

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Слова, слова, слова
Часть II

Мы говорим о том, что морфология – это сложная система, в которой слова имеют очень тонкое строение, структуру. И элементы структуры, которые образуют слова, называются морфемами.

Морфемы имеют различные функции в словообразовании. В зависимости от их положения и функции они различаются на корни. Это лексемы. Лексическая семантическая единица, которая несет главный смысл – это корень. Корень и аффикс, или префикс, считаются основой слова.

И аффиксы, и префиксы передают не просто оттенки основного корня, но и образуют новые слова совершенно новым ментальным кодом. И это, конечно, особенность подхода Хомского и Пинкера к морфологии.

Помимо этого, есть флексии, окончания. Флексии чаще других в различных языках выполняют синтаксическую роль, роль связи членов предложения в синтагме, в цельном высказывании.

Мы говорим о разных путях словообразования. И мы останавливались на таком эффективном пути, как заимствование. Вместе с культурой, с политическими взаимодействиями слова переходят из одного языка в другой. Вся история языка подтверждает эту тесную связь. Эта связь как раз-таки и заставляет нас скептически относиться к теории генеративной грамматики. К тому, что грамматика и язык вообще – это не просто инстинкт, а передающееся по наследству свойство человеческой особи на земле, которое отличает его от животных.

Но кроме заимствований есть еще один путь словообразования – это неологизмы, слова, которые создаются для обозначения нового явления, которого не было в культуре.

Неологизмы чаще всего связаны с резкими технологическими или культурными прорывами. У нас сегодня не вызывают удивление такие слова, как пластик, пластмасса. Практически одновременно в мировых языках появилось слово «приземлился». В начале прошлого века это был неологизм. До появления авиации такого слова не было. Потому что человек не мог приземлиться, ведь он не мог оторваться от земли. Как только он стал летать в воздухе, его возвращение на Землю стало называться приземлением. Но когда первый космический аппарат достиг Луны, по этой же аналогии появилось слово «прилунился». Это очень продуктивный ход формирования неологизмов – через префикс. Присесть, прилечь, приземлиться, прилуниться.

Есть неологизмы другого плана. Заимствованные из мертвых языков. Однажды в XIX веке на международной конференции собрались европейские и американские ученые. В период первой научно-технической революции они решали, как и какими словами обозначать новые явления. И чтобы не было разночтений между немецкими, английскими, французскими, итальянскими, польскими, русскими учеными, они приняли решение создавать новые слова из латинского и древнегреческого языков.

А потом уже из научного языка эти слова стали переходить в повседневную практику. Пластмасса, харизма, психология, лингвистика – это все неологизмы, которые появились таким путем.

Еще один путь создания новых слов – это узнать, как какое-то явление называют местные жители и просто перенести его из языка тех людей, которые с этим явлением знакомы. Вы, наверняка, знаете историю про кенгуру. Эти животные живут только в Австралии. И никто в остальном мире не знал о существовании этих животных, похожих на зайцев, с заячьими головами, с хвостами, как у крокодилов, с передними лапками, как у крыс. Когда первые английские колонизаторы в Австралии увидели этих животных, один из них спросил у аборигена «Что это?». На что местный житель ответил «Кен гу ру», дословно означающее «Я тебя не понимаю». И это четкое соотнесение первого звукового образа с впервые увиденным зрительным образом, прочно фиксируется в языке.

Пинкер не упоминает об этом, но дети фактически запоминают новые слова именно таким образом. То, что они увидели в первый раз, и то, как взрослые назвали эту вещь, прочно, навсегда, на всю жизнь ассоциируется друг с другом. Звуковой образ и зрительный образ, фиксируясь, составляют словарный запас. И это происходит с каждым человеком.

Стивен Пинкер в качестве доказательства приводит довольно убедительные эксперименты с детьми. Ребенку дают оловянного солдатика и говорят, что это олово. Малыш запоминает, что это олово. Потом ему дают оловянную кружку и говорят, что это олово. Но эти дети уже

знали, что называют кружкой. А если это кружка, это не олово. Значит, кружка оловянная. Потом ему показывали деревянного солдатика, называя «солдатиком». Малыш, помня свою первую игрушку, еще долго будет называть всех солдатиков оловом, пока с большим трудом в мозге не произойдет вытеснение, и ребенок не установит, что это солдатик, просто солдатика бывают оловянные, деревянные, бумажные.

Это сложные процессы формирования словарного запаса у каждого человека. Почему Пинкер считает формирование лексического запаса человека инстинктивным, серьезный вопрос. Но как он аргументирует? Пинкер говорит о том, что мы наследуем слова, а не правила. И он говорит о том, что связывание образов и слов – это очень сложный процесс. И никто не знает наверняка, почему языки так скупы на слова и так расточительны на значения. Но, по-видимому, дети этого ожидают. И, возможно, само их ожидание приводит к такому результату. Это не очень убедительное обоснование того, почему дети интуитивно запоминают слова. Лексический запас каждого человека не является интуитивным. Это целенаправленный процесс и, конечно, окружающая среда играет в этом самую главную роль. Так называемая языковая среда.

Когда мы говорим о пополнении словарного запаса того или иного языка, в частности о формировании словарной базы современного русского языка, нужно учитывать, что слова входят в язык. А их лексический состав тесно связан с историей культуры.

Многие слова в русском языке появились в период формирования государственности. Практически все слова, обозначающие государственные структуры, имеют тюркское происхождение. Слово «казна» произошло от слова «казына» – сокровище. Понятно, что слово «деньги» от слова «теңге». Слово «тюрьма» произошло от «түрме». От корня «тор» – решетка. Потому что кочевники не имели обыкновения копать ямы, как делали оседлые племена. Кочевники из жердей делали решетку, которая называлась тор, и сажали туда преступников.

Русское слово «барин» произошло от слова «бар» – есть. Это о человеке, у которого что-то есть, обладающем имуществом.

А вот слово «мужик» (а после и «мужчина») произошло от слова «мыжык», как антоним слова «барин», означающее помятый, невзрачный, незначительный, сморщенный.

Мне хотелось бы поделиться еще одним этимологическим открытием. Мне приходилось читать в учебниках, что слово «князь» происходит от слова «конь». Вроде бы как человек, у которого есть конь. Но это же очень странно. Был такой ученый, лингвист Макс Фасмер (1886 – 1962 гг.), который создал самый лучший словарь – «Этимологический словарь русского языка». Этимологию слова «князь» он выводит от слова «konung». Но эта этимология очень сложная. Каким путем должны были измениться морфемы, чтобы стать «князем», да еще в тот период, когда германская нация не имела такого большого влияния на Русь.

Есть такое казахское слово «кінә» – вина. А ведь князья – это те, кто имеет совесть. Тот, на кого можно положиться, тот, кто может нести ответственность, тот, с кого можно спросить. И русские князья были теми, с кем имели дел Ордынские чиновники.

Тема лексикологии, которую затрагивает здесь Стивен Пинкер, очень интересна на любом уровне. Пинкер пишет для англоязычной аудитории. Но в любом языке можно найти такие связи и обогатить свой культурный код.

Этимологию надо рассматривать археологию культуры. Я как социоантрополог и человек, который занимается нематериальным культурным наследием, чувствую преимущество в научном плане именно благодаря базовому филологическому образованию. Находясь в четырех языковых средах, мы можем сравнивать четыре культурных пространства и четыре истории. Такой анализ очень интересен. Ключом к раскрытию культурных кодов, конечно, является мыслекод, о котором говорит Стивен Пинкер.